

В.В. Стасов

**Николай Николаевич Ге: его
жизнь, произведения и
переписка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Стасов**
Николай Николаевич Ге: его жизнь, произведения и переписка / В.В. Стасов –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 416 с.

ISBN 978-5-517-99542-1

ISBN 978-5-517-99542-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Передо мною нѣсколько читателей. Я обращаюсь къ нимъ и спрашиваю: „Видали вы когда-нибудь, господа, рукописи покойнаго нашего Гѣ?“ Одни отвѣчаютъ: „Нѣтъ, не видали“. Другіе: „Видѣли“. — „Ну, значитъ, — говорю я первымъ, — съ вами мнѣ нельзя и говорить про этотъ предметъ. Вы не видѣли, и сужденія никакого у васъ быть не можетъ. А вы, господа, тѣ, что видали рукописи Гѣ, позвольте мнѣ васъ спросить: что вы про нихъ скажете?“ — „Скажемъ то, — отвѣчаютъ они мнѣ, — что рукописи эти просто ужасъ! Такія неразборчивыя. Что называется, просто чортъ ногу сломить. Ничего не понимаешь. Надо большую привычку, надо огромное стараніе, чтобъ разобрать что-нибудь. А главное, надо, чтобъ былъ особенный какой-то большой интересъ у васъ, чтобъ не бояться никакихъ трудностей, чтобъ пожертвовать на это много времени, и глазами, и терпѣніемъ, чтобъ привыкнуть къ этимъ чертамъ и черточкамъ, къ этимъ каракулькамъ, усикамъ, разводамъ и хвостикамъ, къ этимъ недопискамъ и перепискамъ, къ этимъ безчисленнымъ зачеркнутымъ, опять взятымъ назадъ, опять перечеркнутымъ и опять возстановленнымъ строкамъ, изъ которыхъ состоитъ текстъ“. — „Ну, и что же, скажите: игра не стоила свѣчь?“ — „Стоила, стоила, — отвѣчаютъ одни съ одушевленіемъ и сіяющими глазами. — Стоила, да еще какъ стоила! Сколько мы нашли огня, жизни, сердца въ разобранныхъ наконецъ чертахъ, какъ мы наслаждались много-много разъ! Какъ мы сами себя благодарили за то, что рѣшились!“ — „Нѣтъ, не стоила, — вяло и скучливо возражаютъ другіе: — только одно мученіе. И отъ чего это происходитъ, что онъ такъ невыносимо писалъ? Видно учителя чистопи-

санія были у него прескверные, или онъ самъ, Богъ его знаетъ отчего, былъ страшно небреженъ и халатенъ касательно собственнаго же своего дѣла. И могъ бы, да не старался. Мученье съ нимъ, да и только! Ничего мы не разобрали у него, да кажись и разбирать-то не стоить! Судя по кое-какимъ словамъ и строкамъ, что удалось понять въ этомъ мараньи, ничего важнаго тамъ у него на бумажкахъ нѣтъ. Одно—путаница, другое—нелѣпица, третье—капризная претензія, и больше ничего“...

И вотъ, выслушавши обѣ стороны, я говорю: „А знаете, что я скажу вамъ, господа, если только вы согласитесь выслушать меня. Знаете, что мнѣ кажется? Что рукописи Гè, что онъ самъ—это совершенно одно и то же. Весь Гè, отъ головы до ногъ, вся его натура, весь характеръ, вся его дѣятельность, вся его жизнь—это одна сплошная рукопись, писанная худою, спутанною каллиграфіей. На каждомъ шагу—неразборчивыя черты и неразборчивыя фразы, на каждомъ шагу—закорючки, усики и разводы, недописки и переписки, обманывающія и смущающія глазъ, заводящія въ какіе-то смутные коридоры, откуда, кажется, какъ будто бы уже и выхода нѣтъ. Но пусть глазъ вашъ попривыкнетъ и къ разводамъ, и къ усикамъ, и къ недопискамъ, и къ темнымъ коридорамъ, пусть у васъ только горитъ внутри жажда узнанія, свѣтлое желаніе разобрать и уразумѣть, и скоро каракульки и непонятныя черты передъ вами исчезнутъ, и вы поймете эту сложную природу, полную совершенствъ, но и недочетовъ, блестящихъ качествъ, но и достойныхъ всякаго сожалѣнія несовершенствъ, всегда полную жара душевнаго, стремленія къ истинѣ и глубокимъ источникамъ жизни.

Но, для того чтобы судить и понимать, надобно прежде всего знать факты. А фактовъ-то именно почти никто у насъ и не знаетъ, всего менѣе тѣ, которые о Гè всего болѣе говорятъ и пишутъ—презирающіе его или глумящіеся надъ нимъ: ихъ-то именно всего больше среди нынѣшней русской публики. Каково же это, не зная дѣла, да су-

дить о немъ? Это уже вовсе никуда не годится. Можно себѣ вообразить, чего надо ожидать отъ такихъ итоговъ, отъ такихъ рѣшеній, отъ такихъ разсказовъ и воспоминаній, гдѣ что ни слово, то выдумка, то незнаніе, гдѣ что ни размышленіе, то карикатурный провалъ. Одни изъ враговъ и непонимателей громко провозглашаютъ, что Гё „былъ заѣденъ средой“; другіе, что внѣшнія обстоятельства, эпоха, время, были для него самая неблагопріятная; третьи, что во всемъ томъ, что имъ не нравится въ Гё, виновата русская литература, одна русская литература, и никто больше; четвертые, что вредно художнику имѣть „идеи“, а надо быть безъ нихъ; пятые, что Гё умышленно не хотѣлъ учиться своему искусству и совершенствовать его, а нарочно оставлялъ его на степени эмбриона и недоноска; шестые съ милою усмѣшкою объявляютъ: „Гё! Да вѣдь это „геній не у дѣла“, да вѣдь онъ былъ просто чудакъ какой-то, старичокъ, въ родѣ выжившаго изъ ума, подъ вліяніемъ непонятныхъ или непереваренныхъ имъ теорій; седьмые, что Гё любилъ только ораторствовать, себя самого слушать, а дѣла не дѣлать; восьмые, что, вообще говоря, „Гё былъ только неудачникъ“, хотя въ началѣ своей жизни и давалъ произведенія, достойныя стать наравнѣ съ самымъ высокимъ, что создано величайшими мастерами. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Какая во всемъ тутъ громадная гора легкомыслія, поверхностности, какая торопливая враждебность, какая неспособность понимать сущность и требованія искусства, какая близорукость при разборѣ человѣческой натуры!

Я не стану въ настоящую минуту перебирать и разсматривать каждый изъ этихъ, то печальныхъ, то карикатурныхъ обвиненій—ихъ сами собой опровергнуть тѣ факты, изъ которыхъ будутъ состоять настоящія мои страницы, но съ меня будетъ пока довольно того, чтобы указать на ту изумительную логику, которая присутствуетъ въ одномъ изъ приведенныхъ мною обвиненій—въ послѣднемъ.

„Гё всю жизнь былъ неудачникъ“. Какъ неудачникъ! Да

вѣдь по словамъ самихъ порицателей онъ создалъ (въ началѣ своей художественной жизни) такое произведеніе, которое можетъ стоять рядомъ съ созданіемъ величайшихъ художниковъ міра, свою „Тайную вечерю“. Это, ко всеобщему удивленію, напечаталъ однажды нашъ капитальнѣйшій художникъ—Рѣпинъ. А что эти слова значать? Они просто-напросто значать: Гѣ быть геніи. Но вѣдь это какое великое дѣло: быть геніемъ! Это такое неизреченное счастье, не то что для самого художника, а для всѣхъ людей, и нынѣшнихъ и будущихъ, это такое громадное счастье, что, что бы потомъ ни произошло съ художникомъ, онъ можетъ со спокойною совѣстью сказать: „Нынѣ отпускаеши, Господи, раба своего. Я сдѣлалъ то, что надо было. Я далъ людямъ нѣчто великое. И я счастливъ, и бояться мнѣ больше ничего не надо, хоть пускай меня сію секунду хоронять“.

Неудачникъ! Да такіе ли бываютъ неудачники? Вотъ неудачники: наприм., музыкантъ Леммъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ у Тургенева, или печальный „учитель рисованія“ у Перова, или учитель самого Гѣ, съ которымъ мы встрѣтимся ниже, въ 1-й же главѣ біографіи. Все это были люди, которые сгорали желаніемъ что-то сдѣлать, чѣмъ-то быть, и никогда ничего у нихъ не выходило. Но сдѣлать „великое созданіе“, стоящее Микель-Анджеловъ и иныхъ, и потомъ считаться „неудачникомъ“, что за безобразіе, что за чепуха! Сдѣлать „великое созданіе“, это значитъ быть не „неудачникомъ“, не „безсильнымъ“, а „удачникомъ“, громаднымъ „силачомъ“; это значитъ быть не человѣкомъ, достойнымъ только плача и сожалѣнія, насмѣшекъ и постыднаго подтруниванія („геніи не у дѣль“), а человѣкомъ, вызывающимъ самыя горячія симпатіи, восторги, аплодисменты.

Я говорю все это только съ точки зрѣнія порицателей, мое же собственное мнѣніе о произведеніяхъ Гѣ—иное, и я его выскажу ниже.

Со времени смерти Н. Н. Гѣ (2 іюня 1894) у меня въ рукописи накопился огромный матеріалъ о немъ. Автобіографически Гѣ, воспоминанія о немъ ближайшихъ род-

ственниковъ (брата, сына, невѣстки), друзей, товарищей по гимназій, университету, академіи художествъ, по заграничной жизни, наконецъ по жизни на родинѣ, въ Петербургѣ и Малороссіи, множество писемъ, сообщенныхъ мнѣ со всѣхъ сторонъ, въ томъ числѣ множество писемъ самага высокаго значенія, отъ графа Л. Н. Толстого къ Гѣ и отъ Гѣ къ графу Л. Н. Толстому, наконецъ множество печатныхъ статей о Гѣ, біографическихъ и критическихъ,—все это, вмѣстѣ сложенное, даетъ мнѣ возможность сообщить читателямъ такой біографическій и художественный матеріалъ о нашемъ художникѣ, который уже и теперь можетъ, мнѣ кажется, считаться очень значительнымъ.

I.

ДѢТСТВО.

Для періода дѣтства Н. Н. Гѣ, а потомъ для времени пребыванія его въ гимназій, университетахъ кіевскомъ и петербургскомъ, у меня былъ подъ руками матеріаль очень обширный и удовлетворительный. Сюда относятся болѣе всего автобіографическія записки самого Гѣ, сохранившіяся во множествѣ большихъ и малыхъ набросковъ, болѣе или менѣе обдѣланныхъ текстовъ и вариантовъ, и даже иногда вполне готовыхъ для печати тетрадей; далѣе сюда относятся очень цѣнныя „Воспоминанія о Н. Н. Гѣ, какъ матеріаль для его біографіи“, статьи Григорія Николаевича Гѣ, родного брата покойнаго художника (напечатано въ „Артистъ“ 1894); затѣмъ, изустныя сообщенія мнѣ сына Н. Н. Гѣ, Петра Николаевича Гѣ; наконецъ, изустныя же сообщенія мнѣ академика, скульптора Пармена Петровича Забѣлло, товарища Н. Н. Гѣ по кіевской гимназій и по академіи художествъ.

На основаніи этого матеріала я и составилъ первыя три главы настоящей біографіи, вездѣ отдавая, конечно, первое мѣсто собственноручнымъ автобіографическимъ запискамъ самого Гѣ.

По фамиліи—Гѣ французы (Gay). Первый изъ иностранцевъ этого рода, появившійся въ Россіи, былъ Матвѣй Гѣ, двоюродный - эмигрантъ, покинувшій Францію въ концѣ прошлаго вѣка, во время большой революціи, и пріютившійся въ

Россіи вмѣстѣ со множествомъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Онъ поселился въ Москвѣ и завелъ тамъ фабрику. Старшая его дочь, Викторія, вышла замужъ, въ Москвѣ же, за негоціанта Гильфердинга, дѣда извѣстнаго славіста Ал. Ѳед. Гильфердинга. Сынъ же его Іосифъ поступилъ въ военную службу, въ орденскій кирасирскій полкъ, стоявшій въ Полтавской губерніи. Онъ остался въ Россіи католикомъ и свѣтскимъ французомъ и даже всю жизнь плохо говорилъ по-русски, но это нисколько не мѣшало ему плѣнять русскихъ дамъ французскими блестящими салонными качествами и кружить имъ головы. Наконецъ, онъ женился на славившейся красотою малороссійнкѣ, дочери полтавскаго помѣщика, Дарьѣ Яковлевнѣ Коростовцевой. Сынъ ихъ Николай былъ, конечно, крещенъ въ русской вѣрѣ и сталъ вполне русскимъ, потому что съ самаго рожденія все дѣтство провелъ въ русскомъ помѣстьѣ. Потомъ его свезли въ Петербургъ и отдали въ дворянскій полкъ. Тамъ онъ прошелъ весь курсъ, выпущенъ былъ офицеромъ въ 1814 году, послѣ взятія Парижа прожилъ нѣсколько лѣтъ со своимъ полкомъ во Франціи и успѣлъ тамъ довольно значительно подвинуть свое самообразование впередъ. Вернувшись въ Россію, онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя вполне сельскому хозяйству.

Разсказывая про него и хваля его за многія хорошія качества, твердость духа, настойчивость, умѣнье устраивать свои дѣла, такъ что онъ даже привелъ свое имѣніе въ блестящее положеніе, Григ. Ник. Гѣ называетъ его „убѣжденнымъ вольтеріанцемъ“. Это было дѣло возможное: проживши нѣсколько лѣтъ во Франціи, Ник. Осип. Гѣ легко могъ примкнуть къ вольтеровскимъ идеямъ, бывшимъ тогда еще въ сильномъ ходу во Франціи, но трудно понять, что за „убѣжденный вольтеріанецъ“ онъ былъ потомъ у себя на родинѣ, когда, по словамъ того же Григ. Ник. Гѣ, его отецъ ничуть „не отрѣшался отъ общей тогдашней закваски и собственноручно билъ своихъ слугъ и служанокъ за каждую оплошность“. Надо полагать, что онъ вполне принад-

лежалъ къ тому русскому поколѣнію, про которое талантливый гусарь Денисъ Давыдовъ восклицалъ:

„А глядишь, нашъ Мирабо
Стараго Гаврилу
За измятое жабо
Хлещеть въ усь да въ рыло..“

По счастью, всѣ „блестящія качества“ этого рода остались при самомъ „вольтеріанцѣ“, и онъ ихъ не передалъ своимъ дѣтямъ. Дѣйствовавшія на нихъ вліянія были совсѣмъ иныя.

Ник. Осип. Гѣ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака съ дѣвицей Садовой, въ Воронежѣ, у него было три сына: Осипъ, Григорій и Николай. Послѣдній и былъ тотъ Николай Николаевичъ Гѣ, знаменитый художникъ, который составляетъ предметъ настоящей статьи. Онъ родился въ Воронежѣ 15 февраля 1831 года, и спустя три мѣсяца мать его умерла отъ страшной холеры, гулявшей тогда по всей Россіи *). Отца не было дома, онъ былъ, по-всегдашнему, въ дѣловыхъ разъѣздахъ. Подробности этого времени и всей тогдашней ихъ жизни рассказываетъ самъ Н. Н. Гѣ, и я ихъ тотчасъ приведу въ подлинныхъ его словахъ, но напередъ обращу здѣсь вниманіе читателя только на то, что дѣтство Гѣ прошло въ деревнѣ, среди женщинъ, точь въ точь какъ это случилось, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, съ Глинкой. Отецъ Гѣ былъ рѣдко дома, матери его уже не было на свѣтѣ, и попеченіе о мальчикѣ имѣли, какъ и у Глинки, двѣ женщины: бабушка и няня. Можетъ-быть, именно отъ этого въ значительной степени характеръ обоихъ, и Глинки и Гѣ, получилъ тотъ мягкій, деликатный, кроткій, въ значительной части женскій складъ, который такъ

---

*) Биографы Н. Н. Ге показываютъ день его рожденія совершенно различно. Григ. Ник. Ге говоритъ, что Н. Н. Ге родился 9 февраля, А. И. Сомовъ (*Каталогъ картинной галереи академіи художествъ*)—17 февраля, Ф. И. Булгаковъ (*Наши художники*)—15 февраля. Я останавливаюсь на этомъ послѣднемъ числѣ, потому что, сколько мнѣ извѣстно, оно указано самимъ Н. Н. Ге.

рѣзко отличалъ ихъ отъ многихъ современниковъ, подвергавшихся совершенно другимъ вліяніямъ въ дѣтствѣ. Оба, и Глинка и Гѣ, съ восторгомъ разсказываютъ про свою бабушку и няню (Григ. Ник. называетъ эту послѣднюю Наташей, но самъ Н. Н. Гѣ нигдѣ, ни на словахъ, ни на письмѣ, никогда во всю жизнь не называлъ ея иначе, какъ просто „няней“). Были у Гѣ и тетки, одна изъ нихъ, тетка по отцѣ, Александра Осиповна, въ первомъ замужествѣ Матушевичъ, во второмъ—княгиня Друцкая-Соколинская, жила въ началѣ 30-хъ годовъ въ домѣ у своего брата Ник. Осип. Гѣ, и Григ. Ник. Гѣ говоритъ, что всѣ три мальчика (Осипъ, Григорій и Николай) были въ первые свои годы „на рукахъ у тетки Александры Осиповны“; но самъ Гѣ ни единымъ словомъ нигдѣ ея не упоминаетъ, и ни въ чемъ не замѣтно ни малѣйшаго ея вліянія на судьбу племянника. Мы поэтому нисколько и не будемъ останавливаться на ея личности, но зато обратимъ все наше вниманіе на бабушку Дарью Яковлевну, къ 30-мъ годамъ обратившуюся изъ блестящей красавицы въ старую, дряхленькую, слабую характеромъ, добрую и богомольную старушку, и на няню Наташу, сильно повліявшую на весь душевный складъ Н. Н. Гѣ.

Старшіе братья Гѣ вышли совсѣмъ другими людьми, чѣмъ ихъ братъ Николай. У нихъ тоже были выдающіяся способности, но только совсѣмъ другія, чѣмъ у ихъ младшаго брата. Старшій, Осипъ, имѣлъ большія способности и любовь къ математикѣ и этимъ славился какъ въ кievской гимназіи, такъ впослѣдствіи и въ петербургскомъ университетѣ. Однако онъ на своемъ вѣку ничего особеннаго не произвелъ и послѣдніе годы своей жизни прожилъ безъ всякаго особеннаго дѣла на хуторѣ у своего брата Николая. Второй братъ, Григорій, былъ еще смолоду красивый, стройный мальчикъ, а потомъ юноша; въ кievской гимназіи отличался, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, способностью къ рисованью, котораго не покидалъ также и впослѣдствіи, и въ своемъ кругу (по его собственнымъ словамъ) „успѣлъ стяжать славу какъ рисовальщикъ военныхъ сценъ и въ осо-